

Николай Ивеншев

ТАИС

Свой крупный зад Елена Ивановна с горделивой усмешкой называла крупом.

В первых числах мая, когда рылась в своей тепличке стоя буквой зю, она почуяла внушительный шлепок.

Елена Ивановна распрямилась, увидела, как на гальку шлёпнулась пачка денег и подняла глаза. Деньги с неба свалились? Однако оказалось до неба её просьбы не дошли ещё. Перед ней, как Сивка-Бурка вытягивалась на цыпочках Тайка, дочь.

Тайка устремлялась ввысь, и улыбка у неё – шире железных ворот.

– Мам, подымай. Тебе!

– Д-о-цааа... – и осердилась. – Чегой-то ты такие деньжищи в грязь?

Елена Ивановна подняла пачку и боязливо, осторожно поднесла к носу. Понюхала. Она пока ничего не понимала и для того, чтобы взять время задала трудный вопрос.

– Зачем фамилию изменила? – Елена Ивановна сунула деньги в просторный карман халата. И хлопнула себя по крутым бокам.

Тая острым носом туфли откатила голышок гравия:

– Деньги, мамуль, не пахнут!

Тут Тая, окончательно оторвавшись от земли, кинулась на грудь Елены Ивановны, сжала мать и затрясла:

– Мамочка, родненькая. Как я тебя люблю, только, мамуль, не обижайся, не обижайся, не обижайся. Срочная работа, сверх, сверх, сверх. Заездили прям. Камеральные проверки, блин...

Вздохнула.

По щекам у матери поползли грязные слезы. Мать обильно красилась.

– Ты ж не в тюрьме?!

– Хуже, – дочь отстранила Елену Ивановну. – Ну, ну, здесь я. Здесь я, радоваться надо, а ты, как ты мне говорила, рёвушка-коровушка.

– Как насчёт мамалыги?

– Как не быть. Преет. Я её полотенчиком прикрыла.

Кукурузную кашу Елену Ивановну приучил есть ещё дед Орхип, коего отец в давние времена привёз из Молдавии, из города Сороки.

– Ну, так ответь, доца моя, про фамилию. Тайно замуж вышла?

– Не дождётесь!

– Тебе скоро двадцать девять, не возьмут уже. Счас на малолетках женятся, – Елена Ивановна опять нагнулась в своё парниковое окошко. – Редисочки надёргать?!

– Меня – возьмут. Бабок вот сколочу, – и затараторила, стуча кулаком о кулак, – как можно носить такую фамилию? Попка! Может, тебе и идёт... а мне стрёмно. Попка. Попка!

Щеки у матери запунцовели. Не лицо – редис гигантский. Мать обиделась:

– Доца, ты учёная, экономиска, кумекай: писатель у нас такой был, Попка. Так мы ему родня, правда, дальняя. Так он гордился фамилией.

– Ну, и дурак. Айда мамалыгу кушать, мам. По дороге расскажу.

Мать высморкалась в полу халата, чтобы точнее услышать.

– Ты ж знаешь, где я квартиру снимаю?

– И что?

– В посёлке Афипском.

– И чё?

– Че, чё? Зачёкала. Красивое название, говорят, греческое. Вот и я – Таис Афипская. И книга такая есть.

– Попка сочинил?

– Не, другой, то ли Ермилов, то ли Ефимов.

Они остановились. Дочь выставила вперёд ногу, подняла руку, словно факел держала, и чётко воскликнула:

– Таис Афипская!

– Дура ты, доца! – но лицо у Елены стало мягким, и опять молча потекли слезы. – Так ты наше родовое сменила, дедушка Орхип, ей, бо, обиделся б.

– Ничё, мы ему траву на могилке подёргаем, завтра ж, пойдём. И он угомонится.

– Дурочка, я ж когда замуж выходила за отца твоего, условие поставила. На своей фамилии буду жить, а не на какой-то там Ёлкиной-Палкиной. Представь, была бы сейчас Елова.

Ведь страшно да, быть Еловой?! А Попкой весело. Хоть в больнице, в регистратуре, хоть где спрашивают фамилию.

– Попка!

– И все вокруг радуются. Про хвори забывают. Ну, айда скорей, заходи, мамалыга ещё не остыла.

К мамалыге из своего рюкзака Таис выложила зелёную фигуристую бутылку мартини, твёрдую колбасу, конфеты в коробке с русской Тройкой. Колбасой дочь постучала по краю стола:

– Твёрдая, крепче стали.

– Небось никаких денег не хватит, такую колбаску кушать, – осудила Елена Ивановна.

На столе мигом появились синенькие в чесночном соусе, маринованный судак, картошка в домашней сметане, посыпанная укропом.

К мамалыге лишь притронулись. Это был ритуал, на помин души деда Орхипа.

Выпили по рюмке зелёноватой, сладкой, с запахом полыни жидкости.

Елена Ивановна поморщилась:

– Сладка больно. Как духи пью, но хорошо. Холодит.

И тут постучали. Как-то вкрадчиво. Робко.

В хату заявился Таин одноклассник Миша Донсков. Он, как щит, прижал к груди «порепанный» пузатый портфель.

Миша потоптался и грохнул портфель об пол. Сам напугался стука:

– Это мои инструменты! Тётъ Лён, ты ж говорила, розетка отвалилась, вот я и забежал.

– Уронили мишку на пол, оторвали мишке лапу! – обрадовалась Таисия.

– Давно! – потряс загорелой кистью руки одноклассник. – Тайка! Тайка!.. Ой, Тайка!

Мишка поглядел на Елену Иванову и решился:

– По правде, в натуре, тётъ Лён, «Мерседес» её увидел, и вот... розетку чинить...

– «Вольво»! – поправила Тая.

– А мне один хэ...

– При дамах, Мишань! Ну, ты ж у нас, как дева... Да, ты седай, Михаил, к столу, угощайся! – серьёзно проговорила хозяйка хаты. – У нас мужичьим духом давно не пахнет. Укроп один везде.

Она ткнула вилкой в тарелку с картошкой.

– Думаешь, надо, тётъ Лен?

– А як же! Страсть как надо. Мужик, он, чё? Он, как перец в борще, жуть даёт. Злобу.

Мишка присел на предложенный мягкий стул, ближе к Тае:

– Ну, как, одноклассница, бумажки пишешь?

– Пишу, пишу, Мишенька, куда от них.

– А помнишь, самолётики пускали с записками, ты – мне, я – тебе...

– Без бумажки, ты букашка, – поддержала разговор Елена Ивановна, наливая в высокий стакан бурую жидкость. – Кипит вино-то ещё. Пей, Михаил Иванович, сымай портки на ночь!

Мишка держал стакан в руке. Не пил.

– А я вот железки перебираю. Чужие машины до ума довожу.

– Хорошая, Миш, специальность. Мне нравится. Денежка капает, – с душой ответила Тая.

Мишка вздохнул, будто капанье денег штука не совсем приятная.

– А Тая у нас фамилию поменяла! – заявила Елена Ивановна.

Гость улыбался, будто подставлял лицо под будущее разъяснение.

Елена Ивановна поднялась со стула и хлопнула себя по крупу.

– Да, не! Чё побелел? Просто Попкой, вот этой, быть не хочет. От родовой фамилии – отказ.

– Попка – это попугай, – автоматически проговорил гость и медленно выцедил стакан с домашней «Изабеллой».

– Мишка у нас трезвенник! – пояснила Елена Ивановна. – Почти... Совсем...

– Не уважаю. Но вот с вами... С тобой... Значит заменила?

– О! – хлопнула в ладоши Тая. – Фамилию писателя вспомнила, который роман написал про меня: Иван Ефремов. Как актёр.

Сидели.

По указкам Елены Ивановны пробовали баклажаны в соусе, картошку с грибами, рыбу. Ещё пили. Таис несколько раз коснулась коленки Миши Донскова. При каждом касании Мишка отворачивал глаза. Ему было приятно. Значит, она – не равнодушна.

И без того розовые щёки Елены Ивановны налились атласным багровым цветом:

– Кровушка прилила! На пользу.

– А ты вот и машины так чинишь? – сверкнула глазами Таисия. – Не научился ещё... грубостям. Мишка, Мишка, где твоя сберкнижка. Ты и вправду – косолапый.

Мишка не понял о чём она...

– Ну вот, схватить меня, за руку там, и в лес потащить, в берлогу...

Елена Ивановна рассмеялась. И вполне откровенно. Без фальши.

– Да, Миш, хозяйки тебе в доме не хватает. Ласки. Ты вон взгляни на себя в зеркало. Зарос. Захряс. Из ушей волос торчит. И руки, наверно, только соляжкой своей моешь... Рыбки ещё достать?

Она ушла за рыбой.

Мишка Донсков ковырнул вилкой мамалыгу.

– Цыганская еда! Полезна... я... Тай, давно уж хотел сказать, наверно, мать-то и права...

Мать держала судака за хвост.

Рыбина раскачивалась, как маятник в настенных часах.

Глаза у судака были оловянными, как у старика.

– Вот и шла бы за Михаила. Не пьёт. Каждый день живая копейка. И вон, по электричеству понимает. Чемоданчик у него специальный. Ни у кого такого нет. Вот и иди. Чемоданчик вон...

Отложив в сторону вилку и оставив полный фужер, Таис решительно заявила:

– Чемодан есть – дюже хорошо. Не было бы чемодана – ни за-что! Что ж, Миша, мил дружок, бери меня замуж! Всю! Больно у тебя чумодан красивый... Пойду за тебя. Завтра. И пойду.

Мишка вначале встал, потом сел, потом схватил ломоть хлеба, стал его крошить, затем опять сунул ломоть на хлебную тарелку. Голос у него стал рыхлым:

– Да.

Это были и вопрос и утверждение.

Потом Миша Донсков потрянул головой:

– Неужель, тётъ Лен! Да! Да! Да!

Ничего больше он уже придумать не мог. Всё вертелось перед глазами. И он видел лишь круглое лицо Елены Ивановны Попки.

– Чистый птах. Гляди, гляди, доца, у него ещё рот жёлтый зелёный, – откинулась на стуле Елена Ивановна.

– Это от синеньких, – по-доброму улыбнулась Тая. – Такие долго не живут!

– Чего ты мелешь, доца! Мишка крепкий, внуков мне на-стругаете.

Молчали долго. Не глядели друг на друга. Кто в тарелку, кто на пустые стены.

– Миш, согласен ты меня в жёны взять?! – дёргая губами, спросила Таис.

– Ещё как! – еле выговорил Михаил. Он втянул воздух, как будто нырять собрался.

Тая подскочила и, притянув лицо одноклассника к себе, поцеловала, будто всосалась.

И опять установилось молчание.

На другое утро стали собираться на могилу к деду Орхипу. Вышли во двор, чтобы поискать лопаты, грабли, тяпку. А там, на груде старых кирпичных обломков, остатках от строительства пристройки-кухни сидел уже Мишка. По левую руку от него пламенел букет цветов.

Мишка поднялся, поднял цветы. Он не решался: кому их отдать? В конце концов приблизился к Елене Ивановне:

– Тётъ Лён, а вы это... Правда?

– Что, правда, Миш? Правда, правда.

– Ну, это? Таю... За меня? Ну, вот я специально для неё эти вот тюльпаны растил. Думал из города приедет к матери, а я ей и сорву. Они как раз подоспели. Как знали.

Елена Ивановна похвалила:

– Ишь какие, так и пылают. Так, про чего ты, Михайло? А!.. Ну, друг мой, счас матерей не слушаются, – почему-то смутилась, даже нижнюю губу пожевала. – У неё спроси.

Тая подошла сама:

– Что за шум, а драки нет?

– О вчерашнем! – коротко сказала мать. И отошла мотыгу искать.

Мишка протянул букет.

– Миш, – улыбнулась Таис, кажется, тоже смутилась. – Я знаю к чему эти цветы, Миш. Я тебя так люблю, так уж люблю, очень-очень, но замуж за тебя не-пой-ду. Шутка это вчера была, пьяная шутка, только ты не обижайся, Миш. Тебе не такую надо. Я не гожусь для тебя. Не-го-жусь.

Михаил шагнул назад.

– Да что ты головой-то мотаешь? Я, Мишанчик, на другой день от тебя сбегу, потому что ты очень хороший, а я дрянь полная. Удеру, как пить... Себя-то я знаю. Да, не трясись ты, как заяц. Ну, чего ты там лепечешь, – она осердилась, оглядывая двор. – Что у вас тут девчонок нет? Пьяные мы вчера были... Пья-ны-е... Ну, ну, а цветы оставлю себе. Приятно.

– Может, попробуем?! – выдохнул Мишка.

– Попробуем... Эт чё? Блин на сковородке? С маслом? С мёдом?

– Блины! – гулко повторил Михаил Донцов и отвернулся. – Я ж тоже попробовать решил. Как вчера сказали об этом, не поверил. А потом спать лёг, проснулся ночью, думаю, а ну, как и правда. И заживём мы с Таюстенькой, то бишь с Таей... Тогда пойду я. Пойду. К бабе Клаве надо, счётчик поправить.

– Иди, Мишечка, добрая мышечка, иди.

– А мы на могилку, к деду Орхипу, – постучала мотыгой о лопату Елена Ивановна.

На глазах у Таи были слёзы:

– Миш, давай поцелуемся по правде.

Он опустил голову.

Таис обняла его, крепко прижав к себе.

Так и стояли, пока Мишка не вырвался из объятий.

– Что мы, как кони! – сурово сказал Михаил Донцов.

Пока мать и дочь шли на кладбище – а надо было вначале асфальтом, потом грунтовой добираться до могилы деда Орхипа – разговаривали.

Тая шла сзади. Два валуна материнского крупа колыхались перед глазами.

– Доца? Откуда у тебя такие деньги? Я ж такую сумму ни в жисть в руках не держала. Неужели икономистам стали хорошо платить?

– Стали, мам. Стали. Они теперь главнее всех.

– И президента главнее.

– И его тоже.

– Да, я и не знаю, зачем они мне, куда их? Ще обворуют, как узнают.

– Откуда ж они узнают.

– Дэк я всем и расскажу, мол, дочь привезла.

– Странно, мамуль. Не рассказывай. Зачем?

– Захочется рассказать, вот и расскажу. Я своему языку не хозяйка... Ну, вот зачем они? Ты б уж лучше себе на квартиру копила.

– Коплю. Я знаю, чё тебе надо. Купи козу, хорошую дойную. Это лучше чем корова. У них молоко лечебное. Счас от коровьего молока аллергия, потому что привыкли к магазинному, а козье – лечебное... Да и с козой легче справиться.

– Ага, тогда надо и сепаратор покупать. Я вот не знаю, делают ли масло из козьего молока.

– Сыр делают. В Древней Греции только им и питались.

– Чё, Мишка-то? Чем не люб?!

– Добрый больно. Мне б позлее. Мамуль, а ты не знаешь, наш батюшка... ваш батюшка когда принимает?

– Это ещё чего. Зачем тебе? Ты чё в религию вдарилась? Замуж вначале выйди, потом уж в церковь. Как все...

– Ну, мамуль, когда у него приём?

– Чё это тебе, поликлиника что ль? Приём... На службу иди вечером, там у бабушек и спросишь. Мелентьевна, соседка, туда ходит. Эхехе, я вот тоже, думаю в церковь, да оно ж как, время не позволяет. То огород. То эти сериалы проклятые, теперь вот коза...

– Козы нет ещё.

– Нет, так будет. Уже в голове-то крутится. Я вот, доц, думаю так, как уж совсем старенькой заделаюсь, так приткнусь к какой-нибудь богомолке и с ней. Уж больно там этим, маслом каким-то душистым пахнет, лавандой, от него у меня голова кружится... А ты чегой-то вдруг в церковь пожелала? Ай, влюбилась? Чтобы приворот?

– Не лавандой там, ладаном. Для приворотов к колдунам надо. К гадалкам. У нас в Афипском их хоть в бочке соли. Дед Орхип так говорил.

– Неужто помогают?

– Деньги высасывают, а дур-то богато. Запись ведут дур этих. Ресепшн. Да, что б с пустым желудком, чтоб с вечера ни крошки во рту.

– Вот, доца, мы уже и подошли к своей могилке-то. Поставь грабли. Сядем, подышим. Здесь всегда воздух чистый. Ишь вьюнок, как пошёл, крест обвил. А это вот маргаритки... могильные цветочки. Я семена в Славянске покупала... Не, не... В Тимашевске, у одного армяна. Горланил: «Горные, сто лет будут цвести».

– Кабы краска к штанам не пристала, скамейка вон как на солнышке облупилась...

– Да-аа-а, дед Орхип, – вздохнула Елена Ивановна.

– А чё так и записано?.. В паспорте?

– Так. Дедушка, он метрики свои показывал. Орхип. Спяну, небось так записали, а потом, рази ж с документа сдерёшь. Тогда строго это. Шпионов шибко много было. Ты вот фамилию свою зачем-то поменяла.

– Мам, ну, скажи вот... Так... Обручаются, допустим, тот же Иван Ефремов с Таисией Попкой. Умора. В загсе такое сказанут, животики надорвёшь.

– А ты чё хочешь? Что ж за Мишку Донского не пошла? Парень ладный. Фамилия опять же казачья.

– С фамилией что ли жить. И уж я не могу... Не нужны мне они. Не-ну-жны. Ни злые. Ни добрые. Не хочу уже. Могу, если ты так против, опять в Попку пойти...

– А что это у тебя на ноготках какие-то луковицы нарисованы?

– Купола церковные.

– Ааа! Ну, что ж сходи к отцу Василию, не помешает. Купола!.. Купола ему покажешь. Ну, что? Давай! Бей вон тот дёрн-то. Бей лопатой его под корень, руби, не жалей. А я у креста руками подёргаю. Доца, а парень-то у тебя имеется?

– Ещё какой! Артист филармонии! Шучу, мамуль.

– Дошутисься. Ну, ну, вот дед Орхип был ладный мужик. Я его молодым помню. Он мне косы крепко заплетал, говорил, это всё равно, что вершу плести. Рыболовную. Тянул, аж слезы высыпали.

– А мне, мамуль, дед сказку рассказывал.

– Какую?

– Да так, ерунду...

– Вон, гляди, фотка на кресте-то. Улыбается. Как живой. Нас слышит. Эка трава какая, как проволока... Давай с тобой отбой сделаем, перекусим. Чёй-то я за дорогу утомилась малость. Я вот ещё чего взяла. Горло промочить, – Елена Ивановна потрясла маленькую плоскую бутылку с тёмной жидкостью. – Помянем!

Таис сама расстегнула мамину сумку, разложила яйца, соль, огурцы с помидорами, рюмки поставила.

– Я вашу мартиню не уважаю... Давай за дедулю твоего. Так какую сказку рассказывал дел Орхип?

– Шутник он. Я – ему: «Дед, расскажи сказку. Какую? Про белого бычка? Ты скажешь про белого бычка, я скажу про белого бычка, что тогда получится... Дед, ну, правда? Ты скажешь... Ну правда... Я скажу... Ну правда... Что тогда получится...», – голос у Таис стал глубокий. И грустный.

– Что это ты, доца, нахмурилась, как тучка небесная?

– А ничё. Деда жалко.

– Чё жалко-то? Сто лет прожил. Почти. Нам бы так.

– А то и жалко. Ни середки, ни конца у сказки не знаю. Что с тем бычком стало?

– С каким бычком? Ты, чё, доца, того? Лети с приветом, вернись с ответом! Сlopали бычка, на котлеты скрутили, – она блеснула золотыми, вставными фиксами.

– Не было такого! – зло заявила Таис. – Никто его не ел. Уж дед-то лучше знал. Может, и не крутили на котлеты.

– Ну, может... сдали на бойню, дорога у них, у бычков одна.

– Это нас на бойню сдали...

– Чё балакаешь? Тая, Тайка! Это на тебя так свежий воздух действует, то – в церкву, то – на бойню. Полоумная.

– Так я и не узнала, что с бычком: дед умер. Не успела.

Таис подвинула в сторону помидоры с солью. Шмыгнула носом. Её трясло.

– Ты, чё? Доца! Что с тобой, доца? Милая... Напугала.

– А ничё. Всех надо на бойню... Пусть. Пусть и так... Всех. А где папка мой? А папка мой тоже на бойне. Ушёл к другой, она его выгнала, а ты назад не взяла. Вот он и того... Стал этим... И где и как – никто не знает...

– Тая, не трогай это, это моё, – всхлипнула Елена Ивановна, подняла голову и взглянула в небо. – Тучки ползут, может, дождь.

Она прижала к себе Таю, и уже у неё хлынули слёзы:

– Злилась на него. И на неё. Я его искала потом, а говорят, в Ташкент умотал, к этим... мулам.

– К каким ещё мулам?

– К тагжикам.

– Там узбеки... Может, всё же у сказки той, дед Орхипа конец есть? Авось тебе рассказывал, да подзабыла.

– Нет конца! – вытерла слёзы платком Елена Ивановна. – Ты хоть и экономист, а не знаешь. Це – народная мудрость. У жизни есть конец? Нет у неё конца? У наших дел земных есть конец? Нет? Вот репей растёт, думаешь, если ты его срубишь мотыгой, так он и окочурится. Фига с два. Даже если корень срубишь, а он вокруг уже семян накидал. Нет у репья конца. Так, что, доца, утрись и за лопату, а то вон тучка к нам набегаёт. Счас брызнет! Что слёзы? Водичка солёная.

Тучка так и не доползла. А уже дома, как солнце село, другой разговор повёлся, вечерний, почти тайный.

– Доца, а как это ты фамилию такую выдумала – Таис да ещё и Афипская?

– Я уже, мамуль, сказывала. Посёлок такой. Да вот ещё в древности такая царица была. Или, точно не знаю, женщина лёгкого поведения. Ванны брала из молока, розами её постель усыпали.

– Колючие они, розы-то. Лёгкого... Дак... и ты чё? Пример берёшь? Мотри, а то заведётся чё-нибудь.

– Не, мамочка, зачем мне эти мужики? Всё им не так. Капризный, мам, мужик теперь пошёл.

– И чё, терпишь? Того-то, с филармонией?

– Терплю.

– А мне вот поначалу, как батька твой ушёл, мужики снились. С бородой, без бороды. Разные. Голые. Но с бородой. Представь! Но потом Дарья Иванна Капустина посоветовала крепкий настой мяты пить. И как отрубил. Горошины одни какие-то снятся. Крупные. Будто я коза. А, доца, о козе-то я вспомнила на ночь глядя. Негде это животное покупать...

– Так езжай в город, вон, в Тимашёвку или в Абинск, там горные, в Абинске-то.

– У нас в двух местах коз продают. Цыгане, в одном, под навесом, где хозмаг. А и у хлебного. Машка Епатько одну и ту же козу там выводит. Только толку нет. К ней подходят, торгуются, а Машка цену заламывает, такую, что не сложишь. Разговор заводит с покупателем, о том, о сём. Машка, она холостячка. Может, думает, опять за кого выйдет, а коза – это предлог, чтобы разговор зацепился. Одиночество заедает её. Ох, ох, ох! Болезнь это, одиночество, доктор мне говорил, Иван Алексич. По латинскому языку называл, да я забыла.

– Одиночество. Один ночью, одиночество – двое днём.

– Чё ты, Тай! Чё ты там шепчешь?!

– Стихи были такие, да ушли. К белому бычку.

– Одиночеством и мужики страдают. Вот есть у нас такой, Молдованом звать. Как наш Орхип. Чёрный потому что. Он один, на краю живёт. Дровами грубку свою топит. Работающий мужик. Ко мне сватался. Но ты ж, знаешь, я чужих мужиков на дух не переношу. Но мужик ничего... Не пьёт. Курит только много. А что там курит? Отвернулась от него и – дыши.

– Ты, мам, и спать не хочешь?

– Да, что-то завело меня сильно. На меня могилки так действуют, как кофе какой... И вот к нам зверинец приехал, или зоопарк. И прослышал Молдован, что старая у зверинца того есть обезьяна мужского пола. Старая-старая, уже списывать её собрались. Да хворая обезьяна-то. Ну, вот пошёл он к директору зоопарка, так и так – продайте мне вашего горилу, деньгами перед носом трясет. Пятитысячной. А директор ему, что утрясать это дело надо.

– Утрясли?

– А як же! Денюшки всё сделают, камень свернут. Забрал Молдован обезьяна, на поперешнике коровьем в дом привёл. Дичился горил тот вначале. А Молдован его Лизаветычем назвал, сказки ему по вечерам рассказывает. Дрова пилить научил. Месяц-два проходит, а Лизаветыч уже азбуку знает и курить выучился... Ей-бо, не вру! Тока эта видно дикие-то существа к нам не привыкают, чуть не заколол Лизаветыч хозяина своего... Кухонным ножиком. Соседи болтают, шашлык хотел из него получить. Полиция приехала, скрутили Лизаветыча, в машину с решёткой воткнули...

– Мам, ты чё? Того?.. Не может такого быть.

– А вот и может! – выкрикнула Елена Ивановна. – Ещё и не такое может быть! Ну, давай спать, если ты – Фома неверующая.

– Давай... А как попа-то вашего звать? К нему, как... батюшкой назвать или по имени-отчеству? Завтра пойду в церковь. У них же всё втайне...

– Втайне, втайне... Отцом Василием его. Они-то любят, так положено, наверно, чтобы руку им целовали, крестик. И не забудь: не в штанах надо идти, волосы подвязать. Возьми вон у меня косынку тёмную. Что это ты верующая такая заделалась? Но, это, доц, хорошо. Верующая, вот деньги-то к тебе и валом прут. У нас эти олигархи станичные, как праздник – так в храм, толпа их, олигархов. И построят чё-нибудь. Хоть парикмахерскую, хоть этот, как его, где шары-то катают.

– Боулинг.

– Ну, да... Святят имущество, чтоб не сгорело в какой час. Ну, спи, спи, доц...

Спать! Но долго не засыпалось. Всё – думы.

В разговоре с матерью Тая хитрила. С отцом Василием она хотела поговорить просто так. Не в самой церкви, а где-нибудь на скамейке. Ей просто хотелось посоветоваться. Но чтоб не стрёмно, а так, по-житейски.

Никому ведь об этом не скажешь, не расскажешь. А матери признаешься, так та живо отцовское ружье из железного ящика достанет и расстреляет, как Бульба.

Но вот что-то тянуло рассказать, душу облегчить. Блажь, конечно. Налетела, как вчерашняя туча...

Утром косынку накинула, в старую свою юбку влезла – пошла.

Двор церкви был свежеасфальтированный. Какой-нибудь олигарх постарался. К стене были прислонены строительные козлы в белых пятнах извести. Но на козлах рядком, как в армии, стояли вёдра с букетами цветов. Крохотная старушка в переднике, усеянном мелким горошком, таким же мелким, как горошек, голосом объяснила, как найти батюшку: «Автобус он чинит, в Абинск деток повезёт, там одно святое место есть, колодец один. Святой уж очень. Нагнёшься, а вода в нем звенит, как на балалайке кто играет».

Отец Василий находился в яме, под маленьким, похожим на буханку хлеба автобусом. Он услышал Таины шаги и поднялся. Это был худощавый мужчина с редкой рыжей бородой, в джинсах и клетчатой рубашке. Молодой ещё. В руках он держал ключ. Одна щека священника была измазана чем-то блестящим, тёмным.

– Батюшка, вы? Василий... Вы?

– Священник – я, вот автобус готовлю... А вы из налоговой? Мне кажется, мы там всё отрегулировали. Да вы присаживайтесь, вот на скамеечку.

Тая села.

– Чем же я могу служить?

Отец Василий говорил голосом, в котором не было никаких эмоций. Как в конторе какой. Видно их в семинарии так учили.

– Я... хотела бы посоветоваться.

Она вспомнила, что надо поцеловать у попа руку и потянулась было, но отец Василий отнял кисть, пропитанную машинным маслом и солидолом:

– Для этого в Храм надо, на исповедь, но и к ней – готовиться... Молитвы читать. Там у нас при входе лавка, женщина расскажет, какие книжки вам купить надо.

Он поглядел на неё уже строго.

Тая встала, обернулась и шагнула в сторону железных, распахнутых ворот, но... опять вернулась.

Поп вытирал руки ветошью.

– Я это, экономистка, в фирме работаю, в «Тендере».

– Это что-то паровозное?

– Не, продуктами торгуют. Сеть такая...

Тут Тая подобралась, аж под коленками стало туго, как-то поджалась вся и выпалила:

– Я... это. Это... Я... по совместительству... Я – проститутка.

И она испугалась, взглянула на рыжебородого мужика. Батюшку. А чего испугалась? Он как врач.

Отец Василий помолчал, потом выговорил:

– Ну, и... что?

– Как что? Наказуемо... Проститутка. В аду на сковороде жарить будут.

– Будут... И что? Вы каяться пришли? Тогда в храм идите. Туда...

– Не, туда не пойду, перед иконами стыдно.

– А передо мной?

Священник увидел, что девушка опять собралась уходить, дёрнула сумочку, встала...

– Ладно. И что вас тревожит, что накипело?

– Ничего меня не тревожит. Вот пришла... Грех, говорят. Греххх...

– Так вас это гнетёт?

– Неее, не гнетёт. Мне нравится.

И она твёрдо словами, как нарочно, выделила:

– Мне. Это. Нравится.

– Как? – глаза у отца Василия потемнели. – Вы продаёте своё тело...

– Моё же тело. Я никого другого не продаю. Козу и ту ни разу не продавала. Как вам объяснить? – Тая вдруг обрела язык и смелость. – Пациенты у меня разные.

– Пациенты?

– А кто же? Разные люди, судьбы. Пришибленные, ушибленные. Калеки, как у вас в храме. Они, как выпьют, так жаловаться начинают. Про жизнь беспутную. Слезы с грецкий орех. И не врут ведь. А их погладишь, приласкаешь, так ещё хлеще... Прямо ягнята какие-то... У нас в мире что, безумие одно. Ничего больше...

Отец Сергей зажмурил глаза, будто не хотел это ни видеть, ни слышать. Не хотел он этих слов незнакомой девушки. И подумал: «Может её послали? Епископ. С проверкой. А может...» Он ещё туже закрыл глаза: «Сам толкнул сюда. На испытание».

– Это вас бес путает... Бес. Эфиоп.

У Таи смелость не ушла.

– Вот вы, батюшка, отец Василий, говорите, что продаюсь. Я ж и вправду экономистка, чётко знаю, что всё продается. Всё, всё! Я днём в конторе своей сижу, выборки делаю – сколько да почём для бухгалтерии. Цифры в глазах пляшут. До рыготины пляшут. А вечером – в другом мире. Честно скажу. У нас там такое красивое здание, вроде центра по обучению навыков вождения. «Полёт» называется. Ха-ха, вот мы там и летаем... На этих... На дронах...

«Что это я лепечу, – испугалась Тая, – да ещё и с хохмами. На дронах...» Но по строгому, внимательному лицу священника было видно: он понимал. Более того, в его глазах зажёгся интерес. И интерес этот был не святым. Обычным.

Однако он твердил, как заведённый:

– Грех, грех, много каяться надо... Накладывать на себя...

Таис перебила:

– Я накладывала, и знаю, батюшка, что Христос простил первую женщину моей профессии, не экономистку, а эту... как я... – она усмехнулась. – А экономисток он из храма изгонял... Метлой!

– Ну, уж и метлой. Не спорю – изгонял! – подтвердил священник. – Фарисеи и мытари...

– Знаете, батюшка, я ещё вот подумала. У нас с вами одинаковые профессии. И вы, и я людей слушаете. Да и советы мы даём. Счас уж никто никого не слушает, только себя, только на себя одну в зеркало смотрят. Где бы там морщинка не появилась, где бы там узелок лишний не завязался...

– Это да. Но тут вы, Таисия...

– Михайловна.

– Таисия Михайловна через край хватили. Вы разврат чините. В чужие дома сор, ссору заносите.

Его глаза стали опять серые, строгие. И как будто кем-то нарисованные.

– Вряд ли, Василий... как вас...

– Фёдорович.

– Вряд ли, Василий Фёдорович, не знаю, как от других, но мужики от меня, даже те, которые выпивши, другими уходят. Бывают случаи, озоруют. По роже врежут. Потом и это оплатят. Но ведь и дома так... Там ещё хлеще... У них там эта, в школе изучали, как её – Бастилия... Их же бабы в бараний рог согнули, вот мужички в нашем «Полёте» и распрямляются.

– Жена да убоится мужа своего... – возразил отец Василий со штампованными глазами.

– Ага, убоится. Ушло то время. Как раз-то эти гады, бабы, всего перестали бояться. Курят, больше, чем мужчины, а язык у них, как шпагой проткнут. Мушкетёры долбанные.

– Тише, тише! – поднёс к губам палец отец Василий.

– Ненавижу баб. Это они и войны-то начинают. Сидят там, в первом ряду, и пальчик то вверх, то вниз. А мужчины и лупят друг друга, то мечами, а то портфелями. И всю жизнь с протянутой рукой. Вот вы сказали, что я продаюсь. А бабы замужние не продаются? Ещё хлеще! Да цену-то берут – неподъёмную... А у нас? Что? Тарифы. Всё по-честному. Заплатил – получи.

– Как хотите, Таисия Михайловна, не могу с вами согласиться. Каяться надо. У вас душа-то ещё не до конца изломана. Это ж вон как у... – он кивнул на автобус. – Там гайку поменял, там сцепление барахлит. Я раньше водителем в городе работал. Пока меня Бог не позвал. В семинарию пошёл. В храме тише, чем в миру. Хотя... Бывает. Сверху планы спускают. И внизу... тоже... Бабки, алчба лишь. Толпятся, друг друга толкают за причастием. А у самого душа всё же человеческая, грешен. Так бы крестом этим... – он взглянул на девушку. – И с силой крестом в губы тычу.

– Нет, батюшка, не то вы говорите. Я, простите, пожалуйста, вас понимаю. К вам тоже с болью приходят с душевной, и вы успокаиваете. Бог отпустит, Бог простит. Никакого врача не надо с таблетками. Никакого Лизаветыча.

– Кого, кого?

– Да, это я так, вспомнила...

– Конечно, дочь моя, если вот так, как вы говорите, это... Ну, смысл есть. Ну, тело ж, тело продаёте, а с ним и душу, в прицепке.

– Нет.

– Ну, деньги же берёте.

Он сказал это с тихой укоризной.

– А кто их не берёт? Вон у вас и свечи стоят. И книжечки вы не за так. И олигархов отпеваετε, так вам отстегивают... Блин, опять я не то говорю... Это, как её, индульгенция.

– Так то ж воля их.

– Дак они, может, своими капиталами не одну душу погубили. Вон у нас в Афипском один из заключения вернулся, фамилия Фамусов, замок себе воздвиг. Служанкой, чтобы там

по саду-огороду пригласил работать учительницу свою, Нику Алексеевну, которая ему в дневник двойки ставила. Отомстил, блин. А та мелко дышит, цветочки из шланга поливает. Пенсии ей не хватает, внуков учить надо. Терпит Ника Алексеевна.

– Знаете, Таисия Михайловна, я стараюсь правильно Христу нашему служить, а как там получается – не знаю. Грешен, конечно. И на матушку злюсь. И слова из своего шофёрского языка прямо во рту держу, зубы сожму, чтобы не вылетели. А матушка меня понимает. Господь нас сделал нормальными, чистыми людьми и выпустил в мир. А в мире том есть и чистое, и грязное. Как не запятнаться... Как? Я этого и сам не знаю. Но вот верить надо. Как старушки верят, которых я крестом-то тычу. Без сомнения. И вам тоже верить надо. И уходить из той жизни грешной. А сейчас, простите меня, спешу, завтра в Абинск с детишками едем на природу божескую любоваться да истории библейские рассказывать. Прости вас, Господь. Всё в руце божьей!

Домой Таис шла в растрёпанных чувствах. Поп – хорош. Сомнениями полон. Как и она. Так ничего и не поняла. Ни в себе, ни в отце Василии, ни в миру этом, божественно чистом. Она по-прежнему не знала, как жить, что и кого любить, на кого надеяться. Ребёнка завести... Да уже и не получится. К врачам ходила. Сказали: «Нет, ничего не будет». Да и зачем они эти дети? Мир чист, да обманчив, как целлофан на просроченных пряниках. И холодно в миру-то. Зябко. Одиноко. И как по латыни одиночество называется, никто не помнит. И всё время одна та же сказка про белого бычка... Она вспомнила, что давным-давно, в сильный мороз, по глупости лизнула ледяной замок. А язык к нему и пристал, не отдерёшь. Больно. Кровь. Хорошо дядя Коля Лукьянов мимо проходил – тёплой водой отлил. Да ещё и к себе прижал, пожалел. Были мужики. Были. Да вышли покурить. И всё же, и всё же...

Тая уже подходила к дому когда услышала как у Храмовых дерзко гаркнул петух.

Услышала и усмехнулась.

ст. Полтавская, Краснодарский край